

Двадцать шестой день двенадцатого месяца, первый год правления Цзяньвэнь.

Сюй Хуэйцзу выстроил войска вдоль реки Янцзы, создав мощную линию обороны, и Чжу Ди наконец встретил самого сильного противника на своем пути к мятежу.

Однако этот «самый сильный противник» лишь возвел несколько оборонительных сооружений на противоположном берегу Янцзы. Не успел он завершить строительство, как Чжу Юньвэнь уже отозвал его обратно в столицу.

Лёгкий указ из жёлтого шёлка пролетел в воздухе:

«Столица — место стратегической важности, нельзя оставлять её без военачальника. Генерал Сюй Хуэйцзу должен немедленно вернуться для того, чтобы возглавить оборону и защитить императора. Командование над войсками Янчжоу примет военный министр Ци Тай. Пусть все верные подданные проявят преданность и послужат государству в этой решающей битве».

Сюй Хуэйцзу тяжело вздохнул, глядя на реку, и ушёл, раздраженно взмахнув рукавом.

Придворные сановники яростно спорили за право возглавить этот поход, Шэн Юн повёл войска на юг, а в столице оставалось двести тысяч солдат из янчжоуской армии Сюй Хуэйцзу. Чжу Ди же расположил свои войска у реки, оказавшись между двух огней.

Стоило лишь на некоторое время его задержать и, объединившись с Шэн Юном, ударить по армии Пекина с двух сторон. Разве могли они потерпеть неудачу?

Однако группа сановников, рвавшихся к славе, отозвала Сюй Хуэйцзу в столицу под предлогом защиты императора, и в его распоряжении оказались лишь двадцать два отряда гвардейцев в составе около четырёх тысяч человек, половина из которых смотрела на него свысока и не желала подчиняться приказам.

Когда Чжу Ди услышал эту новость, его глаза чуть не вылезли из орбит. Он заговорил, запинаясь:

— Что это значит? Чжу... Чжу... Ты говоришь, мой племянник-император послал кого?

Чжу Цюань холодно ответил:

— Не слишком уж зазнавайся.

Чжу Ди громко рассмеялся:

— Ничего, ничего! Ци Тай — глупец. Хотя у него четыре сотни военных кораблей, его можно разгромить в считанные секунды. Я обязательно уничтожу его двухсоттысячную армию за три дня.

Чжу Цюань сказал:

— Боюсь, не всё так просто. Четвёртый брат, возгордившееся войско обречено на поражение.

Чжу Ди поднялся и вышел из шатра. Чжу Цюань последовал за ним и добавил:

— У него больше сотни военных кораблей и сорок тысяч лучников. Как ты собираешься их одолеть? Судя по скорости продвижения Шэн Юна, он определённо успеет прибыть к седьмому дню. Тогда нам придётся сражаться на два фронта, и ситуация станет весьма неблагоприятной...

Болтовня Чжу Цюаня внезапно оборвалась.

Чжу Ди покотился со смеху. Чжу Цюань смущённо пробормотал:

— Это...

Ци Тай сгрудил четыреста военных кораблей вплотную и разложил трапы, так что суда оказались прочно соединены друг с другом, став неразделимым целым.

Боевые корабли, развернувшись бортами к противоположному берегу, выстроились в линию посреди реки, словно прочная стена, возведённая из деревянных лодок. Таким образом, на воде возникла громадная военная крепость.

Двадцать седьмой день двенадцатого месяца, первый год правления Цзяньвэнь:

— Это самая прочная линия обороны в мире! — провозгласил Ци Тай, стоя на носу корабля с веером из перьев в руке и в шёлковом головном уборе*. Он был полон воодушевления и уверенности. — Стоит лишь продержаться у Янцзы шесть дней, и генерал Шэн Юн придёт на помощь. Тогда мы непременно разгромим войска Янь-вана!

* «Веер из перьев и шёлковый головной убор» (羽扇纶巾) — обр. про человека с непоколебимым спокойствием, стратега (веер из перьев атрибут военачальников и стратегов).

— Все корабли загружены порохом и стоят так близко друг к другу. Неужели он не боится атаки огнём? — тихо пробормотал Юньци. — Кажется, помню, что уже слышал от зятя прежде подобный сюжет.

Тоба Фэн некоторое время молча смотрел, затем прошептал:

— Должно быть, он забыл об этом.

Юньци добавил:

— Разве возглавлять оборону не должен был мой второй брат? Почему его заменили на Ци Тая? Иди разузнай новости.

— Гав! — радостно ответил Тоба Фэн и отправился выполнять поручение.

Получив известие о том, что Чжу Ди захватил Янчжоу, Юньци и Тоба Фэн оставили лошадей, наняли лодку и поплыли вниз по реке напрямик к Янчжоу. Однако по дороге они обнаружили, что Ци Тай перекрыл водный путь, и им пришлось снова сойти на берег и смешаться с армией Ци Тая.

Тоба Фэн от природы отличался высоким ростом. На нём был шлем рядового солдата, а к тому же императорский двор выдавал воинам низкорослых дяньских лошадей*, так что длинные ноги Тоба Фэна свисали по бокам коня почти до земли. В его руках железное копьё выглядело, словно зубочистка, создавая довольно нелепое зрелище.

* Дянь (□) — некитайская народность, обитавшая в районе озера □□ Дяньчи на террит. нынешней пров. Юньнань, засвидетельствована Сыма Цянем).

Тоба Фэн ушел, навернул несколько кругов и вернулся.

— Что узнал?

— Твой второй брат слишком скуп. На один прием пищи он выдает солдатам всего две паровые булочки да солёные овощи. В войсках чуть не случился бунт, поэтому этот пёс-император отозвал его обратно в столицу.

Юньци не знал, смеяться ему или плакать, и сказал:

— Мой второй брат просто знает счёт деньгам.

Тоба Фэн фыркнул:

— Живя в достатке, он не осознаёт своего счастья. Когда я к нему присоединился, мне не выдавали даже солёных овощей.

У Юньци мгновенно сжалось сердце от тоски, и слёзы потекли ручьём по лицу. Он бросился в объятия Тоба Фэна и закричал:

— Как же теперь быть!

Тоба Фэн похлопал Юньци по спине, чтобы его утешить.

Саньбао тоже вернулся, неся маленький мешочек риса, несколько живых рыб, а также говядину и баранину, которые они стащили у продовольственного отряда. Отойдя подальше от лагеря войск запаса, они разожгли на берегу костёр и, словно на отдыхе, приготовили обед, вполне довольные собой.

Глядя на далёкий лагерь на противоположном берегу, где на холодном ветру развевался флаг Чжу Ди, Юньци подумал, что в этом году им определённо не суждено воссоединиться с Сюй Вэнь. Его второй брат Хуэйцзу и старшая сестра оказались по разные стороны конфликта, что вызывало в его сердце невыразимую тоску.

— Может, навестить второго брата на Новый год? — рассеянно произнес Юньци. — Если хорошо подумать, мы с ним не виделись уже больше десяти лет.

Тоба Фэн, наливая Юньци рыбный суп и старательно выбирая кости, сказал:

— Говорят, твой второй брат — самый сильный боец во всей вашей семье.

Юньци снова взглянул на берег реки и лениво протянул:

— Первый мастер боевых искусств Цзяннани, генерал-конфуцианец Сюй Хуэйцзу. Вряд ли ты сможешь с ним справиться.

Юньци фыркнул со смеху, внимательно оглядел Тоба Фэна и не удержался от вопроса:

— Хочешь помериться с ним силами?

Тоба Фэн не ответил, а вместо этого положил ему еды. Юньци налил Саньбао супа. Тоба Фэн, поджав ноги, неловко взял миску и присел рядом с Юньци.

Как раз в тот момент, когда все принялись за еду, грянул пушечный залп. Тысячи пушек Шэнью одновременно выстрелили, и Юньци с Саньбао пролили рыбный суп, забрызгав Тоба Фэна с головы до ног.

— Мерзавцы! — вне себя от ярости закричал Юньци, ругаясь в сторону противоположного

берега.

Тоба Фэн пришёл в бешенство и, весь в супе, бросился убивать артиллеристов. Но тут Юньци внезапно что-то осознал, поспешно схватил его и, крепко удерживая, воскликнул:

— Они уже начали атаку?! Нужно захватить их лодку и перебраться на тот берег! Отлично!

Тоба Фэн гневно закричал:

— Нехорошо!

С противоположного берега бесчисленные маленькие лодки подняли паруса и, подгоняемые северным зимним ветром, устремились к строю кораблей, словно стрелы. Первое судно с грохотом врезалось в центр флотилии, вызвав оглушительный взрыв.

Чёрный дым затянул небо, вдоль реки запылало пламя. Солдаты Северной армии выпрыгивали с лодок в воду. Маленькие судна, нагруженные порохом и соломой, одно за другим врезались в строй Южной армии. Рёв и взрывы потрясли землю и небо.

Дул безжалостный стылый ветер, вздымая горящие белые паруса флота, которые разлетались к берегу, словно затянувшее небо кровавое облако.

Чжу Ди, не потеряв ни одного солдата, уничтожил больше половины кораблей Южной армии.

Куда ни глянь, повсюду бушевало пламя, заливая полнеба заревом. Разлетались обломки, и река наполнилась плавающими вёслами. Корабли Южной армии один за другим шли ко дну под треск ломающегося дерева.

Пока бурные воды реки уносили остатки четырёхсот военных кораблей и бесчисленные тела солдат вниз по течению, на берегу вновь воцарилась тишина.

Ни один солдат Северной армии не переправился на другую сторону, но всё имущество Южной армии — стотысячный флот, создававшийся с первого года правления Хунъю и тысяча двести пушек Шэнью — исчезло всего за пару шичэней.

Двадцать восьмой день двенадцатого месяца.

Государственный корабль из Нанкина, пользуясь попутным ветром, пересек Янцзы и направился к противоположному берегу. Чжу Юньвэнь выслал для переговоров о мире своего посланника — принцессу Шоучунь.

Только член семьи Чжу мог остановить Чжу Ди на последнем шаге вперёд. Принцесса Шоучунь получила приказ вести переговоры, чтобы выиграть время в ожидании прибытия Шэн Юна, который спешил с войсками на защиту императора.

Чжу Ди долго разглядывал принцессу Шоучунь, а затем сказал:

— Этот четвёртый брат давно тебя не видел. Как поживаешь?

Несмотря на то, что принцесса Шоучунь уже приближалась к тридцати годам, вопрос её замужества всё ещё висел в воздухе. Чжу Юньвэнь тоже не стал устраивать для неё брак, поэтому она до сих пор жила во дворце.

— Отлично, — ответила принцесса Шоучунь, приняв чашку чая. Она сдула плавающие листья и, улыбнувшись, спросила: — Братец, зачем тебе всё это? Мы же одна семья, возвращайся.

— Юньвэнь лично заверил, — принцесса Шоучунь склонилась, чтобы развернуть жёлтый шёлковый указ, и с обворожительной улыбкой продолжила: — Что коварных чиновников уже казнили. Ци Тая же после Нового года обезглавят перед Полуденными воротами. Стремление четвертого императорского дяди усмирить смуту столь же светло, как солнце и луна. Но раз уж окружение государя очищено, прошу императорского дядю, как и прежде, продолжить охранять Пекин во благо нашей Великой Мин и защищать наши бескрайние земли.

— Бля, эта тётушка подыхает от усталости! Чжу Ди, я тебе говорю, в следующий раз даже не думай заставлять меня вести войска... — из-за шатра донёлся голос Сюй Вэнь.

Сюй Вэнь в военном снаряжении с исполненным доблестью видом сняла шлем и бросила его к краю шатра. Принцесса Шоучунь тут же вздрогнула и поднялась с места.

— Четвёртая невестка*, — робко поприветствовала её принцесса Шоучунь, сделав поклон.

* Досл. «жена старшего брата» (□).

Чжу Цюань поспешил освободить место рядом с Чжу Ди. Сюй Вэнь нахмурила брови:

— Шестая сестра?

С этими словами она уселась на генеральскую кушетку и, прямо при Чжу Цюане и придворном посланнике, начала снимать доспехи и шлем. Её чёрные волосы, гладкие, как шёлк, водопадом рассыпались по плечам.

— Тебя послал Юньвэнь? У меня как раз есть к тебе несколько вопросов, четвёртая невестка, — строго сказала Сюй Вэнь. — Подними голову!

В шатре на мгновение воцарилась тишина, затем Чжу Ди положил руки на плечи Сюй Вэнь и принялся сзади делать ей массаж. Он добавил:

— Шестая сестра, возвращайся. Скажи Юньвэню...

Сюй Вэнь холодно прервала его:

— Хватит разговоров. Ступай и спроси моего второго брата: когда тот старикан убил моего отца...

Принцесса Шоучунь резко возразила:

— Четвёртая невестка, такие слова нельзя бросать на ветер. То, что произошло в те годы, — всего лишь слухи, насколько этому вообще можно верить? К тому же, сколько лет тогда было Юньвэню?

Сюй Вэнь воскликнула:

— Сколько лет?! А когда он поднёс моему младшему брату чашу с отравленным вином, он уже был достаточно взрослым или нет?

Увидев, что переговоры зашли в тупик, принцесса Шоучунь встала и с сожалением вздохнула:

— Четвёртый брат, ты знаешь, что о тебе говорят в столице?

Сюй Вэнь насмешливо бросила:

— Говорят, что твой четвёртый брат боится своей жены?

Чжу Ди хихикнул и, приняв серьёзный вид, сказал принцессе Шоучунь:

— Бояться жены — это же обычное человеческое чувство! Шестая сестра!

— Когда девушка выходит замуж, то сидит в комнате, словно статуя бодхисаттвы; когда рождает детей, то усердно защищает своё потомство, подобно тигрице; когда же годы берут свое*, и она теряет красоту, то сохраняет свою величавость. Как говорится в буддийских сутрах, она становится словно тыквенным призраком*, высасывающим жизненную силу.

* Досл. «человек стареет, а жемчужина желтеет» (□□□□).

* Имеется в виду «Кумбханда» (санскрит: Kumbhāṇḍa), также известный как Цзипаньту или «тыквенный призрак». Это тип демонов в буддизме и народных верованиях, которые питаются жизненной энергией людей. Есть мнение, что своё название «тыквенный призрак» они получили из-за искажённого произношения санскритского термина и внешнего сходства с зимней тыквой (зимняя тыква выглядит как огромный кабачок). Но на википедии ещё пишут, что эти призраки носят мошонку на плече, поэтому название «тыквенный призрак» произошло отсюда...

— Разве ты не боишься бодхисаттвы? Разве ты не боишься тигрицы? Разве ты не боишься призраков?

Из-за разлуки с Юньци Сюй Вэнь находилась в подавленном состоянии, поэтому теперь, когда её рассмешил Чжу Ди, она прыснула со смеху и расхохоталась. Она дрожала, словно цветущая ветвь, и настроение её немного улучшилось.

Чжу Ди прищурился:

— Лао Шици, проводи шестую сестру. Усмирение смуты ещё не окончено. Боюсь, окружение государя ещё придётся очистить. Завтра я лично переправлюсь через реку и поговорю с Юньвэнем.

Принцесса Шоучунь, задумчиво склонив голову, шла и случайно столкнулась с ещё одним отрядом непрерывно ликовавших солдат.

Она заметила одного до боли знакомого человека и ошеломлённо вскинула голову.

— Тоба Фэн?!

Юньци насторожённо прикрыл рукой лицо Тоба Фэна, повернулся и произнёс:

— Ваше Высочество? Вы приехали на переговоры?

Тоба Фэн, глаза которого Юньци прикрывал ладонью, в замешательстве обратил к ней своё красивое лицо, и под солнечным светом у принцессы Шоучунь поднялась волна невыразимо сложных чувств.

Её глаза наполнились слезами, а разум был полностью поглощён мыслями о Тоба Фэне...

— Душа моя...

— А-а-а-а!!! — слёзы Сюй Вэнь хлынули на ветру, и она издала оглушительный крик, потрясший всю армию. Проскользнув, словно утюг, она сбила принцессу Шоучунь, стоявшую

на пути. Старшая сестра схватила Юньци за ворот, потащила его назад, и оба мгновенно исчезли.

Девятый день двенадцатого месяца:

Когда Юньци официально вернулся в ряды Северной армии, первым делом Сюй Вэнь связала его по рукам и ногам, бросила в шатер главнокомандующего и ни на шаг от него не отходила.

— Открой рот, а-а-а-а — Сюй Вэнь, сияя от счастья, держала в одной руке чашу, а в другой — ложку.

Юньци же выглядел одновременно потерявшим надежду и беспомощным:

— Старшая сестра, ну не надо так жестоко... ещё и держишь младшего брата на привязи.

Сюй Вэнь серьёзно спросила:

— А что плохого в том, что ты связан? В будущем летописцы напишут: «Сюй Юньци, верный своему господину, первым ворвался в стан врага, но был разбит и пленён...» Разве это не прославит верность и доблесть рода Сюй? А все эти бунты я терпеть не могу. И к нам с тобой это вообще не имеет никакого отношения.

Юньци ответил:

— Перестань дурачиться, сначала развяжи меня... Мы же уже пришли, ты что, боишься, что я сбегу обратно в столицу?

Сюй Вэнь кокетливо ответила:

— В этом я как раз совершенно уверена.

Юньци понял, что ничего не поделать, и добавил:

— Второй брат сейчас всё ещё в городе, если ты так пойдёшь в атаку...

Сюй Вэнь фыркнула:

— Не упоминай при мне этого бестолкового Хуэйцзу.

Юньци вдруг снова заговорил:

— Сюй Муда...

Сюй Вэнь прервала его:

— Вчера вечером Саньбао уже привёл того человека и встретился с твоим зятем. Когда мы войдём в Интяньфу, то дадим ему более высокую должность. Наша семья Сюй всегда умела отвечать благодарностью на добро.

Юньци снова отхлебнул ласточкиного гнезда и вдруг у него возникло ощущение нереальности, словно всё происходящее перед ним — всего лишь сон.

— Значит, зять скоро станет императором?

Сюй Вэнь тоже немного опешила от вопроса. Видимо, она так стремительно мчалась вперёд, что не думала ни о прошлом, ни о будущем. И теперь, по инерции остановившись, она с трудом могла в это поверить.

— Старшая сестра, значит, теперь ты станешь императрицей?

Сюй Вэнь поставила чашу и пробормотала:

— Младший брат, я тоже немного в растерянности... Всё это словно происходит во сне.

Юньци и Сюй Вэнь оба рассмеялись. Через мгновение Юньци произнёс:

— Когда мы войдём в столицу, как зять собирается поступить с Юньвэнем?

Сюй Вэнь замолчала, и Юньци осторожно спросил:

— Ты просила у него о снисхождении? Если в столице начнут резать всех без разбору, то что будет со вторым братом, с Теремом Танцующего Дыма, с Цзян-ши и шинян, а ещё с моими братьями из Цзиньвэй?

Сюй Вэнь задумчиво сказала:

— Я ведь женщина, Юньци, и мне не положено вмешиваться в такие дела. Чжу Сы от природы человек, добивающийся великих целей и не обращающий внимания на мелочи. Я тебе только так скажу... Во всём прочем я могу что-то решать, потому что он уступает мне, любит и заботится обо мне. Но только не в делах такого масштаба. В такие вещи твоя старшая сестра ни за что не должна вмешиваться. Эти слова ни в коем случае не должны услышать посторонние...

Тоба Фэн, стоя у входа в шатёр, бесстрастно произнёс:

— Я уже услышал.

— Молчи! — одновременно прикрикнули Юньци и Сюй Вэнь.

Юньци не выдержал и добавил:

— Терем Танцующего Дыма — это место, откуда вышла наша мать. Если ты не можешь с ним поговорить, то поговорю я...

Сюй Вэнь и Юньци, похоже, вообще не принимали Тоба Фэна в расчёт. Сюй Вэнь прикинула в уме, понимая, что к чему, и решилась:

— Ладно, старшая сестра сама к нему ходит. Такой пустяк я ещё могу уладить.

— Фэн-эр, накорми своего младшего шурина ласточкиным гнездом, — Сюй Вэнь сунула чашу в руки Тоба Фэна и сделала вид, что хочет его ущипнуть. — Если посмеешь украсть хоть глоток, береги свою шкуру!

Тоба Фэн шмыгнул в угол и, дрожа, проводил взглядом уходящую Сюй Вэнь. Юньци всё ещё кричал:

— Старшая сестра! Хоть отпусти меня прогуляться! Ты что, хочешь, чтобы твой младший брат задохнулся?

— Верёвку развязывать нельзя, пусть Фэн-эр после еды выведет тебя погулять... — голос Сюй Вэнь удалялся.

Юньци поспешно сказал:

— Быстрее, нужно найти Чжу Цюаня!

— Зачем нам... искать Нин-вана? — Тоба Фэн напрягся. Он взял ласточкино гнездо и уже собирался запихнуть его в рот Юньци, как тот, не зная, смеяться или плакать, воскликнул:

— Не буду я это есть! Скорее, развяжи на мне верёвку! Надо придумать, как спасти шинян и остальных...

Тоба Фэн остановился и спросил:

— Ты снова хочешь вернуться к этому псу-императору?

Юньци ответил:

— Да не хочу я возвращаться к этому псу... императору! Я просто боюсь, что если начнётся столкновение, то караул Дояня по ошибке убьёт шифу и шинян, и что тогда делать?!

На лице Тоба Фэна промелькнуло колебание, явно шла внутренняя борьба. Юньци снова добавил:

— Зная характер шифу, думаешь, когда войска войдут в Интяньфу, он будет прятаться?!

Тоба Фэн и Юньци одновременно представили себе сцену, как Цзян Хань во главе дворцовой стражи ведёт кровавый бой перед Полуденными воротами.

Тоба Фэн принял решение. Он наспех скормил Юньци ласточкино гнездо, взял верёвку, которой были связаны запястья Юньци, и повёл его.

В ночь на двадцать девятое северный ветер на тысячи ли нёс мелкие снежинки, таявшие в реке.

Волны Янцзы вздымались одна за другой, никогда не замерзая.

Стояла светлая снежная ночь. Чжу Цюань, что редкость, облачился в генеральскую военную форму, и броня на его плечах отливала холодным блеском.

Юньци и Тоба Фэн остановились позади Чжу Цюаня.

Он не оборачивался, только смотрел на другой берег реки и с улыбкой сказал:

— Сяо Сюй вышел на прогулку?

Юньци серьёзным тоном спросил:

— Когда мы переправляемся через реку?

Чжу Цюань ответил:

— Завтра утром, рассчитываем к завтрашнему вечеру добраться до реки Циньхуай.

Тоба Фэн спросил:

— А Шэн Юн?

Чжу Цюань улыбнулся:

— Шэн Юн никогда сюда не дойдёт. По дороге он попал в засаду, устроенную четвёртой невесткой, потерял войска и командиров и бежал обратно в Цзинань.

Чжу Цюань поднял генеральский меч, указав вдаль на противоположный берег реки, и громко обратился:

— Юньци, смотри.

Среди зимнего инея на другом берегу Янцзы вырисовывались смутные очертания Цзиньлина. Чжу Ди стоял с войском у ворот города, а в Цзиньлине по-прежнему горели яркие огни.

— В шестнадцать лет четвёртый брат и я получили от Тайцзу княжеские грамоты, яшмовые таблички* и в тот же день покинули столицу. Он отправился в Пекин, а я — в Нинчжоу, — пробормотал Чжу Цюань. — Знаешь, что это за место — Нинчжоу?

* Яшмовая табличка (玉符) — книга высочайшего пожалования титулов.

— Пустыня, — ответил Юньци. — Когда я сбежал из императорской армии, мы с шисюном добрались до границы между Дэчжоу и Нинчжоу.

Чжу Цюань кивнул. Юньци добавил:

— Там не растёт ни травинки, лишь песчаная буря простирается на тысячи ли.

Чжу Цюань повернулся и с улыбкой сказал Юньци:

— Тогда четвёртый брат взял меня за руку и пообещал: «Лао Шици, однажды мы обязательно вернёмся».

— Завтра мы возвращаемся в столицу, просто я не думал, что это произойдёт таким образом...
— тон Чжу Цюаня был ровным, но Юньци уловил в нём скрытый смысл.

Юньци проникся настроением Чжу Цюаня. Он долго молчал, а затем произнёс:

— Юньвэнь изначально не был плохим человеком. Он ошибся лишь в том, что занял то место...

Чжу Цюань спокойно ответил:

— С древних времён победитель становится царём, а побеждённый — разбойником. Потерпевших поражение государей не ждёт хороший конец, поэтому с того дня, когда он решил лишиться меня и четвёртого брата княжеских уделов, он должен был быть готов к худшему исходу.

Юньци произнёс:

— Мне нужно вернуться в столицу.

Чжу Цюань с улыбкой покачал головой:

— Ты не сможешь его спасти, никто не сможет.

Юньци ответил:

— Дело не в том, что я хочу его спасти. В столице у меня осталось много дорогих мне людей. Для меня императорский дворец имеет совсем другое значение, не такое, как для вас.

Чжу Цюань задумался на мгновение, затем спросил:

— Ты хочешь спасти Цзиньвэй?

Юньци подумал и сказал:

— Не только их, со мной связано ещё много людей.

Чжу Цюань ответил:

— Это не в моей власти, Юньци. Мы все на этой войне — мелкие сошки. Ты до сих пор не понял? Не только ты и я, но даже четвёртый брат, когда поднял знамя усмирения смуты, уже predeterminedил завтрашнюю решающую битву. Никто не в силах это изменить.

Юньци вздохнул и с улыбкой произнес:

— Я это понимаю, но всё же стоит попытаться.

Чжу Цюань улыбнулся:

— Что ты собираешься делать? Стоять на городской стене и кричать на нас? Или встать перед моим племянником-императором, закрыть глаза и ждать, пока четвёртый брат ударит тебя мечом?

Юньци серьёзно сказал:

— Тебе это кажется смешным? У мелких сошек тоже есть друзья, и им тоже нужно защищать свою семью. Я не могу помешать вам захватить Нанкин, и уж тем более разрешить противоречия между Юньвэнем и вами двумя, но всё равно должен что-то сделать. Цзиньвэй по-доброму относились ко мне, Цзян-ши и шинян оказали мне большую милость, а Терем Танцующего Дыма — место, откуда вышла моя мать.

Чжу Цюань долго размышлял, а затем повернулся, чтобы уйти:

— Ступай к четвёртому брату, я не могу тебе этого обещать.

Юньци взял Чжу Цюаня за руку и произнёс:

— Дахисюн, только ты можешь мне помочь.

В молодости Чжу Цюань брал уроки боевых искусств у Сюй Да, и сейчас, когда Юньци назвал его дахисюном, то поставил его в безвыходное положение.

Юньци продолжил:

— Мне нужно переправиться через реку и вернуться в столицу. Когда вы войдёте в город, пообещай мне кое-что. Это нетрудно, но позволит свести к минимуму бессмысленные жертвы.

— Вы хотите захватить престол, а не устроить в городе кровавую резню, дахисюн.

Чжу Цюань наконец кивнул.

Тридцатый день двенадцатого месяца первого года правления Цзяньвэнь, час цзы*, последний день года.

* 23:00-1:00.

Тоба Фэн, прикрывая собой Юньци, сел на маленькую лодку, чтобы переправиться через реку.

Фигура Чжу Цюаня постепенно превратилась в маленькую чёрную точку на южном берегу. Сюй Юньци, закутавшись в шерстяное одеяло, прижался к Тоба Фэну. Звуки флейты неспешно пронизывали ледяной туман, окутавший всю реку.

Мелодия «Грохочущий барабан*» то вздымалась, то опускалась среди волн, несущих их к финалу Войны ради преодоления трудностей, на другой берег длинной реки истории, в древнюю столицу шести династий — Цзиньлин.

* «Грохочущий барабан» (戰鼓) — песня подраздела «Песни царства Бэй» Книги песен. Соотносится с реальными историческими событиями, датируемыми 718 г. до н. э., о которых сообщается в «Чунь цю» (летопись «Весны и Осени»). Согласно этим сведениям, удельный князь царства Бэй выступил в поход против царства Цин в надежде после расправы с ним, заключить союз с тремя другими удельными царствами - Сун, Чэнь и Цай - для борьбы с чжоуским правящим домом. Поход, возглавляемый генералом Сунь Цзы-чжуном (представителем одной из знатнейших фамилий царства) вначале развивался успешно для Бэй: всего за пять дней войскам удалось разгромить противника. Но затем солдаты Бэй, собрав урожай с полей покоренного царства, потребовали, чтобы их отправили домой. Армия оказалась фактически полностью деморализована, о чем и рассказывается в этой песне. Одновременно в ней налицо антивоенные мотивы, которые стали характерной приметой всей последующей китайской лирической поэзии на тему военного похода (примечания М. Е. Кравцовой из «Поэзия древнего Китая», 1994).

Автору есть что сказать:

В реальной истории этот аналог «Битвы у Красной скалы*» времён династии Мин действительно имел место, только устроил его не Ци Тай. Это произошло во время того, как Чжу Юаньчжан завоёвывал Поднебесную.

Чжан Шичэн* накрепко связал вместе сотни боевых кораблей, в результате чего Сюй Да сжёг их дотла, нанеся тому сокрушительное поражение, от которого войска Чжана плакали навзрыд.

В те годы в Великой Мин говорили: «Видимо, Чжан Шичэн не читал «Троецарствие».

Так что иногда и прочтение незамысловатых книжек, и слушание народных сказов приносят пользу.

В истории тем, кто переправился через реку для переговоров, была не принцесса Шоучунь, а принцесса Цинчэн*.

Человеком, который возглавил конный отряд для прикрытия, был Чжу Гаосюй, а не Сюй Вэнь.

* Битва у Красной скалы — одно из наиболее прославленных в истории Китая сражений, произошедшее зимой с 208 на 209 год н.э. между армией чэнсяна Империи Хань периода её

упадка Цао Цао и противостоящими ему объединёнными войсками Сунь Цюаня и Лю Бэя. Войска Цао Цао, состоявшие преимущественно из северян, не привыкших к бою на воде, страдали от морской болезни. По совету шпионов Сунь Цюаня, посланных в армию Цао Цао, для уменьшения качки суда были скованы цепями. Сунь Цюань именно на это и рассчитывал и подготовил суда, нагруженные горючим. На носу этих судов были установлены длинные шипы, чтобы при столкновении с кораблями врага они крепко сцепились с ними. Суда с горючим были подожжены, пожар быстро перенёсся на скованные корабли флота Цао Цао, посеяв среди его войск панику. Одновременно с этим были проведены наземные атаки на береговые лагеря. Отступая, войско Цао Цао попало во множество расставленных для них засад.

* Чжан Шичэн (张郃) — один из руководителей Восстания Красных повязок.

* Принцесса Цинчэн (甄姬) — племянница Чжу Юаньчжана, дочь Мэнчэн-вана Чжу Чунъю. Тут принцесса не в значении дочь императора, а «великая княжна» (甄姬), то есть дочь правителя удела, князя. Здесь то же «Цинчэн» («окончание церемонии жертвоприношения»), что и в имени Ли Цинчэна, главного героя «Орлиный страж».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326099>